

Дмитрий Васильевич Григорович

Скучные люди

Дмитрий Васильевич Григорович

Скучные люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22119306

Аннотация

«Что такое скучный человек?... Нет вопроса, по-видимому, на который так легко было бы ответить, не правда ли? Я сам прежде так думал, теперь думаю иначе.

Верное, точное определение того, что вообще называют «скучный человек», встречает бесчисленное множество затруднений; решение такого вопроса, считаю я трудностью невероятную; мало того: считаю почти невозможным! Без всякого сомнения, многие с этим не согласятся...»

Содержание

I. Вступление	4
II. Весельчаки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Григорович

Скучные люди

Физиологический очерк

I. Вступление

Что такое скучный человек?... Нет вопроса, по-видимому, на который так легко было бы ответить, не правда ли? Я сам прежде так думал, теперь думаю иначе.

Верное, точное определение того, что вообще называют «скучный человек», встречает бесчисленное множество затруднений; решение такого вопроса, считаю я трудностью невероятную; мало того: считаю почти невозможным! Без всякого сомнения, многие с этим не согласятся. «Вот хорошо! воскликнут они (и по большей части, поверьте, и я докажу это впоследствии, то будут люди страшно легкомысленные!): – вот хорошо! Помилуйте, мы тотчас же готовы насчитать вам, из числа наших знакомых, дюжину таких, которые представляют не только образчик, но идеал, тип, – совершеннейший тип скучных людей!...» Превосходно. Не спорю. Со своей стороны, я также готов выставить на ваше внимание дюжину, и даже более, моих знакомых, которые, ругаясь головою, ничем не уступят вашим. Но действуя таким

образом, мы все-таки, смею сказать, ровно ничего не докажем. Именно так. Почем знать: люди, которых называете вы «скучными», покажутся мне, может быть, вовсе не такими? И наоборот: мои знакомые займут в вашем мнении место самых милых, любезных и занимательных особ...

То, что в одном возбуждает скуку, доходящую до нервного раздражения, другому доставляет веселость, располагает ко вниманию его нервы, служит источником сладчайших радостей и высочайших наслаждений.

Положим, вы специалист по какой-нибудь части (я ничего не знаю, я только предполагаю); вы избрали предметом историю давно перемешавшихся и исчезнувших племен; вы занимаетесь агрономиею, астрономиею, пчеловодством и проч., и проч. Положим, ваш покорнейший слуга ровнехонько ничего не смыслит в этих предметах, он круглый невежда в деле истории, агрономии, астрономии и проч.; но любит он, например, картины и посвящает время свое на изучение изящных искусств. Что ж мудреного, если оба мы не найдем большого наслаждения, беседуя друг с другом? Я буду скучнейшим человеком в глазах ваших; но с другой стороны, прошу и вас также, не брать за чистую монету моих улыбок и внимания: то и другое может служить прикрытием жесточайшей скуки, которую испытываю я, выслушивая повествования об исчезнувших племенах, небесных светилах и новейших способах разведения кормового гороха. Является между нами третье лицо; в глазах его, оба мы делаемся людьми очень за-

нимательными, каждый в своем роде, разумеется.

Теперь другое предположение: вы человек положительный, спокойный, установившийся. Вне тихого семейного круга нигде не находите удовольствий. Вы встречаетесь с человеком молодым, не успевшим еще остепениться, или таким, который уже по природе своей не слишком расположен к семейному очагу. Легко может статься, что каждый из вас, поговорив друг с другом, обратится к третьему лицу и, пожимая плечами, шепнет ему на ухо: «Фу, Боже мой, что это за скучный человек!» А между тем, оба вы, по приговору общего мнения, вовсе не заслуживаете такого названия.

Ясно следует из этого, как дважды два – четыре ясно, что в вопросе о скучных людях, необходимо принимать в соображение, не только способности, познания, и вообще, большую или меньшую степень умственной занимательности, но также характер, наклонности, стремления, вкусы, – словом, нравственную природу человека.

Возьмем пример. Г*** обогатил свой ум драгоценными познаниями; Г*** чудо, феникс учености. Но разве Г*** не может быть в то же время крайне раздражительным, желчным, завистливым, обидчивым, самолюбивым? Вы не просидите с ним десяти минут, несмотря на всю его ученость; он надоест вам хуже горькой редьки, как говорится. И наоборот: не только не чувствуете вы скуки и тягости, но охотно даже предлагаете комнату в вашей квартире или место в вашем экипаже на поездку в чужие края, круглому невеж-

де, но веселому, без претензий, уживчивому, исполненному скромности и терпимости.

Из всего сказанного нами, истекает сама собою следующая аксиома:

Один и тот же человек может быть весьма скучным для одного и в то же время очень занимательным для другого.

Пример:

Я знал господина, один вид которого производил на всех усыпляющее действие. При появлении его в гостиную (так все говорили и я ручаюсь за достоверность факта), свечи и лампы начинали тухнуть; дети принимались тереть глаза и склоняли голову на плечи няnek и родителей; взрослые вытягивали ноги, скрещивали руки на груди, старались прилечь в мягкие углы диванов; уныние, изображавшееся на лицах присутствующих, было по истине комично; словом, все засыпало; засыпала, казалось, неугомонная левретка¹ на коленях хозяйки дома.

И что же вы думали? В другом доме, находившемся даже недалеко от первого, этот опиумный господин (так звали его в первой гостиной), производил совершенно противоположное действие; лысина его имела свойство проливать самый яркий свет; при появлении его, один вид лысины пробуждал уже в сердцах присутствующих сладчайшее трепета-

¹ собака декоративной породы.

ние; самое молчание его находило восторженных истолкователей. Как теперь помню: он является, садится в кресло и, по обыкновению своему, погружается в молчание. Взоры присутствующих умиленно останавливаются на лысине; лица выражают благоговейное ожидание. Молчание продолжается довольно долго; никто не смеет прервать его. Внезапно, какой-то молодой человек вскакивает с места, обращается к присутствующим и, указывая на опиумного господина, восклицает с восторгом:

– Взгляните! взгляните... или вы не замечаете?.. Взгляните, какое цицероновское молчание!..

Итак, в одном доме, опиумный господин погружает всех в сон; в другом, самое молчание его вызывает восторженные рукоплескания. Откроет ли он рот, хоть бы даже для того чтобы чихнуть или кашлянуть, присутствующие нетерпеливо моргают глазами, толкают друг друга локтем и со всех сторон слышится уже шепот: – «Сейчас заговорит!.. сейчас говорить будет!..» Когда заговорит он, (и это совершенно все равно: скажет ли самую обыкновенную вещь или даже попросту ляпнет), – все переполняются неподдельным энтузиазмом, поднимаются с мест и со слезами на глазах кидаются жать ему руку.

Пример этот приведен здесь отчасти в доказательство, что на всем свете не сыскать существа, которые было бы так *безусловно относительно*, как скучный человек. Не угодно ли после того делать на его счет какие бы то ни было выводы и

определения; не угодно ли приискать ему существенную положительную форму! По моему мнению Б* орел; по вашему, тот же Б*, индюк; вы стоите за свои убеждения, я за свои; кто из нас прав, кто виноват? Нам могут верить и не верить. Вопрос остается нерешенным.

Напрасно станете вы приводить в подтверждение слов ваших наружные признаки, отличающие человека, которому делаете репутацию скучного. Начать с того, что скучные люди не отличаются никакими внешними знаками от других людей; одно из главных преимуществ скучных людей заключается в том именно, что они так же разительно похожи друг на друга, как и на остальных смертных. Наконец, вытянутая физиономия, унылый взгляд, вялая, сонливая речь, тоскливое выражение лица, опять таки ровно ничего не доказывают: у самого веселого, милого, занимательного человека встречаются минуты тоски и грусти; он делается тогда сам на себя не похожим. Он следовательно не скучен, а только скучает; это разница. Встречаются люди характера до такой степени впечатлительного, подвижного, переменчивого и неровного, что сегодня, например, они хорошо настроены: они веселы, любезны, занимательны, блестящи даже; завтра, они ни с того ни с сего хмурят лицо, смотрят на все и на всех потухшими глазами; слова от них не добьешься! Несправедливо было бы делать заключение о таком человеке, не зная его основательно. Вам посчастливилось встретить его в первый день, мне во второй; каждый из нас выводит о нем свое

мнение, и каждый ошибается по мнению друг друга.

Необходимо также взять в соображение такие оттенки:

Очень часто, не тот скучен, кто *кажется скучным*, но тот, кому так *кажется*. Называя человека скучным, сами мы можем носить в себе скуку, в которой обвиняем. Действуя таким образом, не часто ли также поступаем мы против собственных убеждений и даже совести? Вы сделали дурной поступок (опять предположение, разумеется); при этом был свидетель. Виноват ли он, скажите на милость, если в его обществе будете вы чувствовать невыносимую скуку? Человек сделал вам одолжение: дал вам займы денег, сшил вам в долг пальто, панталоны и проч.; виноват ли он в том, что наводит на вас скуку не только во время беседы, но даже при встречах на улице? – Ничуть не бывало! вы виноваты, вовсе не они.

Все эти размышления приводят нас к первым строкам, которыми начали мы наше исследование. Легко кажется убедиться теперь, как трудно сделать верное, точное определение скучному человеку.

Существуют конечно счастливые личности, которые рельефно выдаются из общего неопределенного тона; которых, все в один голос, целым обществом, признают за скучных: «Фу! Боже мой, что это за скучный человек!» – «Боже мой, что это за скучная дама!» скажет кто-нибудь, и все тотчас же единодушно соглашаются. Но опять-таки, даже и в этом случае, нет возможности уяснить типа! Господин, которого все

называют скучным, может быть женатым; его жена и множество родственников решительно собьют вас с толку: в глазах их он образец любезности и занимательности. Общее мнение встречает сильное опровержение и следовательно перестает быть общим; скучный человек остается, по-прежнему, существом относительным и дьявольски неуловимым. Один скучен по прошествии часа, третий, только на вторые сутки и т. д. Тот скучен от того, что много говорит и чересчур весел; другой потому, что слова от него не добьешься, и проч. и проч.

Как видите, все дело здесь в оттенках, тонких отношениях и почти неуловимых подробностях.

Вообще говоря, скучных людей (без различия полов) можно разделить на две главные категории: на *веселых* и *унылых*.

Начнем с первых.

II. Весельчаки

Веселость, конечно, отличное свойство, никто в этом не сомневается. При всем том, можно ручаться чем угодно, что поговорка: «Хорошего понемножку» вырвалась в первый раз (вырвалось даже с сердцем, я уверен) у человека, которому случилось провести целый день с весельчаком. Дело в том, что весельчаки, с которыми не скучно, почти так же редки, как белые вороны, черные тюльпаны, настоящие альбиносы и прочие исключительные явления природы.

Веселость, всегда готовая поддержать себя, постоянно забавная, разнообразная и занимательная, занимательная в прямом, настоящем смысле, разумеется, такая веселость заставляет предполагать в человеке ум, наблюдательность, изобразительность; все это представляет уже некоторым образом соединение природных дарований, и может только принадлежать человеку далеко не дюжинному; такие люди не попадают сплошь и рядом.

Но даже и при таких счастливых условиях, роль весельчака очень трудная роль.

Что сказать, например, о господине, который постоянно смеется и никогда не останавливается? Начать с того, что такой господин ни в каком случае не может быть совершенно умным; не может он также иметь тех добрых качеств душевных качеств, которые извиняют недостаток умственных спо-

способностей; это ясно: чтобы постоянно сохранять веселость, нужно, прежде всего, быть довольным собою и своим положением (что показывает уже некоторую ограниченность природы); но что всего важнее, необходимо чувствовать глубокое равнодушие к положению ближних: все весельчаки страшные эгоисты; это факт. Иначе даже быть не может. Эгоизм без приправы ума и тонкого такта тотчас же бросается всем в глаза и действует на всех как-то оскорбительно; поэтому-то, вероятно, не было еще примера, чтобы весельчак пробуждал в ком-нибудь серьезное чувство, сердечное теплое сочувствие и внушал к себе уважение. Вообще говоря, роль весельчака незавидная роль.

Веселость принимает самые разнообразные характеры и является в бесчисленном множестве видов; нет возможности указать прямого ее источника. Особенный склад ума и самое отчаянное тупоумие порождают ее в равной степени; бывает она также *врожденная* и *прививная*, т. е. *естественная* и *натяннутая*.

Последний вид веселости чуть ли не самый скучный.

Г* смутно сознает свое ничтожество и жестоко им терзается; другой на его месте, при той же ограниченности ума, постарался бы примириться со своим положением; то Г* гложет червь самолюбия: он хочет блистать, хочет во что бы то ни стало быть заметным. Преследуя свою мысль, Г* прикидывается весельчаком; он напрягает последние силы своих способностей, чтобы превращать все в смех и смешное, рас-

сказывает анекдоты, острит, каламбурит; все это конечно выходит из рук вон плохо, потому что хорошо только то, что натурально. Но Г* постепенно втягивается в свою роль и действительно делается заметным: все знают его за скучнейшего человека, который когда-либо являлся на свете.

Между весельчаками, самые лучшие все-таки те, которые естественны; мнение это простирается даже на тех, у которых веселость проистекает чисто от глупости. К такому разряду принадлежат смертные, которые веселы без причины и смеются без всякого повода. Если хотите, это также веселость самодовольная, но зато преисполненная добродушия, вся сияющая от головы до ног, и главное, тоже безвредная. Мичман Петухов, о котором говорит лейтенант Жевакин в женитьбе Гоголя: «...был у нас мичман Петухов, Антон Иванович; тоже этак был веселого нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этак палец, вдруг засмеется, ей Богу! и до самого вечера все смеется!..» – мичман Петухов служит образцом в этом случае. Таких весельчаков принято называть: *блаженными*.

Вы идете по улице; внезапно слух ваш поражается хохотом, и вас называют по имени. Вы оборачиваете и видите в отдалении радостно блистающую физиономию господина, который заливается во всю мочь, машет вам руками и прибавляет шаг. Вы останавливаетесь, думая, что спешит он сообщить интересную новость. Подбежав к вам, сияющий господин надрывается сильнее прежнего; вы ждете, и наконец

спрашиваете: «Что с тобою? – Ах, дайте дух перевести! Ха, ха, ха!.. Ах Боже мой! Ха, ха!.. – „Но что же случилось?“ спрашиваете, вы, теряя терпение. – Ничего не случилось.... Ха, ха, ха... уф! насилу догнал тебя... Ха, ха... Летит себе как птица, как птица... (тут схватывает он себя за бока и прислоняется к фонарю, чтобы не упасть наземь); ты куда идешь?» заключает от, наконец, блуждая глазами, налившимися кровью от натуги.

Последний вопрос мгновенно объясняет дело: ни вы ему не нужны, ни он вам; вы просто встретили *блаженного*. Чтобы избавиться таких встреч, не советую бросаться в магазин или в ближайший переулок: если весельчак из числа самолюбивых, он никогда не простит вам такой проделки; вы нажили тогда врага, который постарается насолить вам. Что ж касается до блаженного, проделка ваша бесполезна: он ворвется в магазин и отыщет вас в переулке.

Вы спокойно сидите дома, беседуя с приятелями, или, просто, сидите потому, что гулять не хочется. Внезапно в кабинет врывается N* «Что ты здесь делаешь?» кричит он, смеясь в то же время лошадиным каким-то смехом: – «ну не грешно ли сидеть дома в такую погоду, а? не грешно ли, спрашиваю я?... Это выходит, просто, нелепость, именно: нелепость! Ха! ха! ха! Я нарочно пришел за тобою; одевайся!» – Я не хочу!.. говорите вы. – «Как не хочешь? что за вздор! Ну, одевайся же; полно врать; одевайся!..» – Ей Богу не хочу идти... – «Ну вот поди ж ты; толкуй с ним после

этого! Все это одна лень; и наконец у тебя геморрой, это всем известно, тебе даже вредно сидеть... Эй, Иван! Петр! Сидор! давайте барину пальто, шляпу, перчатки!...» – Повторяю тебе, я не хочу гулять... «Ты не шутишь?» – Нисколько! – «Господа! восклицает весельчак, обводя моргающими глазами присутствующих: – что его слушать! тащите его с дивана! Хватайте его... вот так! за ноги, за руки... нахлобучивайте ему шляпу!...» Вас начинают мять, тормошить, тискать; вы отбиваетесь изо всех сил, наконец, сердитесь. Весельчак также горячится; он орет во все горло, стучит по столу, называет вас рохлей, фетюком², лежебоком, устрицей; и тогда только успокоивается, когда видит, что дело не шутя может принять серьезный характер.

Впрочем, когда блаженный достигает такой смелости, он переходит уже в другой разряд; его называют тогда *веселым наглецом, малым с надежной внутренней опорой* или *малым без застенчивости*. Ноздрев был именно таким малым; всякому известно, что Ноздрев был господин также веселого нрава.

Узнав вас на улице, или, все равно, где бы то ни было, весельчак-наглец считает самую обыкновенную вещь подобраться к вам сзади, зажмурить вам глаза обеими ладонями и потребовать, чтобы вы непременно догадались, кто стоит за вашей спиной. Все ради той же шутки, он нахлобучивает вам шляпу на глаза, ни с того, ни с сего хлопает вас по жи-

² недотепа, тюфяк (устар.).

воту, ставит вам подножки, отдергивает стул, на который вы готовитесь сесть, и т. д. Самые невинные из них те, которые говорят вам: *ты*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.